



АНДРЕЙ ШИТОВ

В Вашингтоне
от Клинтона
до Трампа

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В АМЕРИКЕ



ЗАПИСКИ КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС

Андрей Шитов

**Четверть века в Америке.
Записки корреспондента ТАСС**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 323(73)
ББК 66.3(7Сое)

Шитов А. К.

Четверть века в Америке. Записки корреспондента ТАСС /
А. К. Шитов — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-134176-3

Андрей Шитов возглавлял представительство ТАСС в Вашингтоне от Билла Клинтона до Дональда Трампа и в общей сложности более четверти века проработал за океаном на главное информационное агентство России. Вряд ли кто-то еще из современных российских журналистов обладает подобным опытом. В книге он делится своими размышлениями: о быте и нравах, о президентах и простых американцах, о жизненных и профессиональных уроках. Вспоминает, как его пытались завербовать американские спецслужбы, как первым сообщил о гибели приемного ребенка из России Вани Скоробогатова. Рассказывает о своем членстве в АА и о том, как его сын интересовался у Обамы, хочет ли тот попасть на деньги. Книга – настоящий клад информации для тех, кому интересно, как работают иностранные корреспонденты, кто хочет погрузиться в тонкости и секреты «второй древнейшей» профессии. А пытливый взгляд матерого журналиста позволит увидеть «американскую мечту», как она есть, без наносного пафоса и прикрас.

УДК 323(73)
ББК 66.3(7Сое)

ISBN 978-5-17-134176-3

© Шитов А. К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Слово к читателям	7
Введение. Возвращение в детство	8
Часть 1. Города	10
Глава 1. Первая любовь. Нью-Йорк, 1987–1992	10
1.1. Как мы осваивались	10
1.2. Чем мы занимались	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Шитов
Четверть века в Америке.
Записки корреспондента ТАСС

© Шитов А.К., 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020



Слово к читателям

Андрей Шитов возглавлял представительство ТАСС в Вашингтоне от Билла Клинтона до Дональда Трампа. Поскольку до этого у него была еще и нью-йоркская «пятилетка», в общей сложности он более четверти века работал за океаном на главное информационное агентство России.

Не думаю, что кто-либо еще из современных российских журналистов обладает подобным опытом. И с удовольствием представляю читателям рассказ Андрея об этом опыте – еще и потому, что некоторые воспоминания у нас общие. Серия интервью с президентами США и другими ключевыми американскими ньюсмейкерами для проекта ТАСС и РТР «Формула власти» готовилась нашей творческой бригадой при его непосредственном участии.

При всей своей необычности в американском контексте опыт Шитова не уникален для ИноТАСС в целом. В зарубежной корсети нашего агентства есть люди с таким же и даже более внушительным творческим и рабочим стажем. Подлинными корифеями работают в самых разных точках планеты – от Парижа, Праги и Рима до Токио и Пекина.

В свое время в профессиональной среде новостные агентства принято было шутливо именовать «могилами неизвестных журналистов». Но на самом деле для любого репортера большая честь видеть свой текст напечатанным под всемирно известным тассовским брендом. А в своей штаб-квартире – известном москвичам «доме под глобусом» на Тверском бульваре – мы, конечно, по достоинству ценим своих ведущих авторов. Многие из них, включая Андрея, отмечены не только профессиональными, но и государственными наградами.

Теперь издательство «АСТ» любезно предложило помочь нашим «золотым перьям» лично представиться и более широкой читательской аудитории. Благодарен за такую возможность; надеюсь и верю, что такое сотрудничество ТАСС и АСТ окажется плодотворным. А о том, не вышел ли комом первый блин, теперь судите сами.

*Михаил Гусман,
первый заместитель генерального директора ТАСС*

Введение. Возвращение в детство

«Умных много, добрых мало»

Моя бабушка, Екатерина Андреевна Шитова (1916–1998)

По дорожке, протоптанной в снегу среди деревьев, поздним зимним вечером шагает мальчик. Его догоняет высокий мужчина, берет за руку и дальше они идут вместе.

Это мой сон. Мальчик – это я. Мне лет пять или шесть. Я иду искать родителей, которые уложили меня спать и ушли веселиться с друзьями.

Дорогу к Дому офицеров в подмосковной части, где служит мой отец – через пруд, обсаженный деревьями, и дальше по улице, – я знаю. Поэтому даже одному в темноте мне весело, а не страшно. Я вдыхаю вкусный морозный воздух, таращусь на звезды и желтые огоньки за деревьями и топаю по хрусткому искрящемуся снегу валенками, надетыми на босу ногу.

В этом лесном военном городке, окруженном колючей проволокой и не имевшем даже собственного названия, а только литерное обозначение К-510, я рос от рождения до окончания школы. До Америки оттуда было как до Луны.

Но мать надоумила меня поступать в московский иняз, после учебы я попал в ТАСС, а потом больше четверти века работал корреспондентом агентства в Нью-Йорке и Вашингтоне. И детский сон мой застал меня душной летней ночью в казенной американской квартире.

Проснулся я тогда с ощущением горькой ошибки. Отец мой незадолго до того умер, не увидев своего внука и моего сына Ваню, родившегося за океаном. Так что и человеком, догнавшим меня во сне, был не он или, во всяком случае, не только он, но и я сам, только почти сравнявшийся с ним по возрасту. Сознание раздвоилось: я словно со стороны видел шагающую впереди детскую фигурку и привычно ощущал, как доверчиво ложится мне в руку маленькая теплая ладонь...

Вообще-то я своих снов не помню. Но этот врезался в память сразу и навсегда. Он отзывается во мне щемящей и нежной грустью: жалостью к рано ушедшему отцу, к себе самому, к Ваньке, который, сам того не подозревая, очень похож на деда. По сути он вместили всю мою жизнь.



Об этой жизни я и хочу теперь рассказать – вам и себе. Чтобы попытаться задним числом еще что-то в ней уяснить.

Это мой сугубо личный рассказ. Я всю жизнь работаю в ТАСС и считаю это своей большой удачей. Но я никем не уполномочен что-либо заявлять за других.

Я полжизни прожил в Америке и почти все, что я пишу и говорю, так или иначе окрашено этим опытом. Но я русский человек, всегда им был и буду. Больше того, я совершенно обычный человек – как я это для себя называю, человек «из метро» или «из электрички».

И Америка сама по себе интересна мне лишь постольку, поскольку она, на мой взгляд, может и должна быть интересна моим попутчикам – людям, вместе с которыми я утром еду на работу, а вечером возвращаюсь домой. Надеюсь, это тоже будет очевидно в моем рассказе, который я поначалу так и хотел назвать: «Обычные люди». В моем понимании это относится ко всем, включая политиков и разного рода знаменитостей.

Сюжета как такового в моем повествовании нет. Есть воспоминания: о городах, людях, жизненных и профессиональных уроках. По определению одной моей давней приятельницы, русской американки, это моя «американская мозаика».

Сложена она более или менее по порядку, но все же с позиций сегодняшнего дня. А память моя избирательна: мысли и чувства сохраняются в ней лучше, чем обстоятельства времени и места; хорошее – гораздо лучше, чем плохое. Много, наверное, вообще не поддавалось бы восстановлению, если бы не прежние публикации: я же всю жизнь работаю для печати.

За тексты свои я привык отвечать, в ТАСС с этим строго. И теперь, даже используя архив, заново все перепроверяю. Так что любые возможные ошибки или неточности в книге – только моя вина.

Профессия подарила мне встречи с бесчисленным множеством замечательных людей. С одними я годами работал бок о бок, с другими общался лишь раз-другой. Но у всех я чему-то учился, и всем за это признателен, хоть и не могу перечислить их поименно. И чувствую себя в ответе перед ними за эту книгу, даже если они ее не прочтут.

Ни перед собой, ни перед этими людьми я не могу и не хочу лукавить. Поэтому пишу без купюр, стараясь ничего не исказить и не замалчивать. А иначе какой вообще в этом смысл?

Часть 1. Города

Глава 1. Первая любовь. Нью-Йорк, 1987–1992

1.1. Как мы осваивались

У ТАСС в те годы имелись в США отделения в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Первое освещало работу федеральных органов власти и неофициально считалось ведущим, первым среди равных. Последнее на самом деле было корпунктом, поскольку там работал один человек, следивший за жизнью штатов тихоокеанского побережья.

Соответственно, на долю Нью-Йорка, куда я прибыл зимой 1987 года, приходилась вся остальная территория страны – от Аляски до Флориды и Техаса, не говоря уже о самом мегаполисе, где размещается штаб-квартира ООН.

Кстати, при этой штаб-квартире работали еще двое тассовцев, причем одного туда направляла Москва, а другого – Киев. Ведь СССР на правах победителя во Второй мировой войне имел в ООН сразу три представительства: общесоюзное, украинское и белорусское. А ТАСС в советское время возглавлял целую сеть республиканских информационных агентств, включая Укринформ и БелТА.

Удобное соседство

Наше нью-йоркское отделение располагалось в одном из небоскребов Рокфеллер-центра посередине Манхэттена, неподалеку от Центрального парка. Почтовый адрес я помню до сих пор наизусть: 50, Rockefeller Plaza, New York, NY 10020. В обиходе он сокращался до Fifty-Rock.

Помещение мы арендовали у американского информационного агентства Associated Press (AP, Ассошиэйтед Пресс). Соседство было отчасти вынужденным: нам требовалась бесперебойная связь с Москвой (поначалу телетайпная, позже компьютерная), а поддерживать ее до приезда к нам в отделение собственного инженера помогали американцы.

Но оно было и удобным во всех отношениях: от профессионального до бытового. Новостные ленты AP служили нам одним из основных источников информации о том, что происходило в США, и при возникновении вопросов можно было оперативно, не покидая здания, проконсультироваться с коллегами.

Главным бытовым удобством считалось наличие у коллег собственной столовой. Но мы ею редко пользовались, поскольку кормили там, на наш взгляд, невкусно и довольно дорого. Питались мы в основном разнообразным фастфудом с уличных перекрестков либо приносили еду из дома и разогревали в микроволновке; полочки «обмывали» неподалеку от офиса в баре Pig & Whistle («Свинья и свисток»). Наши маститые ветераны-«американисты» в твидовых пиджаках посвящали там новичков вроде меня в важнейшие тонкости работы за океаном: до сих пор помню, например, что Martini Extra Dry – это чистый джин в треугольном бокале, предварительно ополоснутом вермутом...

Зачем нужны инокорры

Штат сотрудников отделения состоял из четырех корреспондентов и заведующего, который в тассовских командах на моем веку всегда был «играющим тренером». Он не только организовывал и направлял общую работу и отвечал за нее перед Москвой, но и сам писал все, в чем возникала необходимость: от сиюминутных новостных заметок до наиболее сложных и ответственных комментариев или аналитических текстов.

Впрочем, подготовка не только кратких, но и объемных материалов была обязательна и для всех остальных. При этом в многостраничных «почтовках», которые до появления компьютеров пересылались в московскую редакцию обычной почтой, поскольку передавать их по телетайпу было слишком трудоемко и дорого, разрешалось опираться на оценки и прогнозы местной печати. Но в аналитических «информационных письмах» корреспондентам полагалось использовать сведения из своих личных источников и делать на их основании собственные выводы.

Отчасти это объясняет, зачем вообще нужны инокорры. Новости как таковые можно ведь взять и у СМИ страны пребывания. Но те заведомо не станут искать и выделять в информационном потоке то, что интересно и важно именно для российской аудитории. Во всей своей работе – от отбора новостей до их подачи, а иногда и пропагандистской «подкрутки» – они будут преследовать исключительно собственную выгоду. Ну и мы точно так же всюду искали свой интерес.

События идут непрерывным чередом, поэтому и мы работали безостановочно, семь дней в неделю. По будням – в две смены: с девяти утра до шести вечера и с шести вечера до трех утра. Скроить рабочее расписание так, чтобы не пропускать новостей и выполнять редакционные задания, но при этом оставить людям законное время для отдыха, для заведующего всегда было проблемой.

Четырехколесный барьер

К первой командировке я почти три года готовился в американской редакции ИноТАСС в Москве, стажером ездил в Лондон. Работу знал и любил, требования к ней понимал, так что проблем с редакцией не возникало. А самым серьезным барьером при адаптации к жизни в Нью-Йорке стало для меня вождение автомобиля.

В Москве я до того за рулем никогда не сидел. Взял, правда, пару уроков в автошколе, но они сослужили мне скорее плохую службу, поскольку создали иллюзию, будто я чему-то там научился. На самом деле я понятия не имел, как управлять автомобилем, даже нашим отечественным, не говоря уже об американских – более массивных, но при этом более приемистых, легче слушающихся руля и оснащенных автоматической, а не ручной коробкой передач.

В общем, при первом же самостоятельном появлении на дороге я «въехал» сзади в машину какой-то бабули, ожидавшей смены сигнала светофора на перекрестке. И началось мое многомесячное хождение по мукам.

Не буду все пересказывать, но, если бы не мой тогдашний начальник, а ныне добрый друг Игорь Макурин, отстоявший неумелого новобранца, меня скорее всего просто отправили бы от греха подальше обратно в Москву. Однажды я умудрился угодить в две аварии за один вечер. А «хеппи-эндом» стала уже нью-йоркская автошкола.

Теперь у меня тридцатилетний водительский стаж, и для меня непреложный факт, что в США корреспондент, не умеющий водить машину, реально неполноценен (во всяком случае до тех пор пока весь автопарк не станет «беспилотным», как обещают футурологи). И я советую

молодым тассовцам, отправляющимся за океан, из этого исходить, но все же не садиться за руль без достаточной подготовки.

Мед и деготь

Кстати, в наши дни инкорры – это уже не только ребята, но нередко и девушки. В советское время в командировки отправляли почти исключительно мужчин, причем женатых. Для жен в штатном расписании предусматривались технические должности – секретаря, телетайпистки и т. п.

Это очень высоко ценилось, поскольку обеспечивало прибавку к семейному бюджету, но по сути, конечно, женщины, уезжавшие с мужьями за рубеж, жертвовали нормальной карьерой. А поскольку телетайпистки у нас выходили и в ночную смену, то некоторые шутовливо жаловались, что жертвуют и репутацией, ибо регулярно на глазах у консьержей возвращаются домой под утро в компании не собственного мужа, а посторонних мужчин.

Зарплаты у нас были, по выражению одного нашего бывшего тассовского начальника, «хорошие, но маленькие». Помнится, что-то около тысячи долларов в месяц. Но никто не жаловался, так как по советским меркам и это было запредельно много. К тому же зарплата была лишь частью реального достатка, поскольку в длительных заграничных командировках корреспонденты находились на почти полном государственном обеспечении. Основные расходы – на жилье, транспорт, связь – оплачивались из бюджета отделения.

Правда, и в этой бочке меда имелись свои маленькие ложки дегтя. За все необходимо было отчитываться, и без чеков, заверенных подписью заведующего, никакие расходы к оплате не принимались. К тому же для всего – от размеров жилплощади до объема двигателя у автомашин – существовали нормы, в которые полагалось вписываться.

Нормы эти были советскими и, например, сроки эксплуатации мебели по ним исчислялись у нас то ли двумя, то ли даже тремя десятками лет. Но качество-то при этом было американским: с виду нарядным, но с изнанки картонно-фанерным, на вечность совершенно не рассчитанным.

Приходилось выкручиваться, в том числе путем обмена мебелью друг с другом. Однажды мы с коллегой перетаскивали из одной квартиры в другую какую-то детскую кровать, которая буквально рассыпалась в руках. Даже ехавший с нами в лифте сосед-американец не выдержал и буркнул, выходя: «Ну и рухлядь!» Оценить эту реплику может лишь тот, кто знает, как свято соблюдается за океаном житейская заповедь, запрещающая совать свой нос в чужие дела.

По приезде в Нью-Йорк, когда мы еще только осваивались на новом месте, моя жена обратила внимание на то, что одна из тассовских квартир была обставлена чуть лучше других. Хозяйка в ответ без всяких шуток похвалилась «стратегически выгодным» расположением жилья: дескать, окна смотрят на мусорную свалку, и когда там появляется какая-нибудь приличная вещь, главное не зевать...

Наши американцы

Я еще застал то время, когда в отделении помимо советских корреспондентов, присылаемых из Москвы, работали принятые на месте американцы. Среди них главными для нас фигурами в Нью-Йорке были немолодые супруги Гарри и Руфи Фишер – коммунисты, для которых работа в советском информационном агентстве была, как я понимаю, еще и исполнением партийного долга.

Вообще присутствие ТАСС в Новом Свете началось в 1929 году с американских репортеров-стрингеров, то есть контрактников. Хотя и первые советские журналисты появились в Нью-Йорке еще до Второй мировой. Когда у нас в офисе при мне был ремонт, в углу за сейфом

обнаружился портрет Сталина. Можете, кстати, судить о том, как часто там производились ремонты.

Фишеры были люди замечательные. Гарри добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании, сражался с фашистами в составе интербригад. К молодым тассовцам, которые, сменяя друг друга каждые 3–4 года, приезжали «открывать Америку», они с женой относились по-родительски заботливо.

Гарри служил у нас телетайпистом, Руфи вела бухгалтерию. Помимо всего прочего именно она выдавала нам зарплату, причем наличными, поскольку собственные банковские счета нам тогда открывать не разрешалось. К Фишерам мы в первую очередь шли за советом и по любым вопросам, касавшимся нашего обустройства в США.

Былая доверчивость

Некоторые тамошние порядки задним числом кажутся удивительно беспечными. Например, для получения водительских прав – по сути главного американского документа, удостоверяющего личность, – мне необходимо было представить в местный департамент автотранспорта (DMV) подтверждение, что я тот, за кого себя выдаю, и что я проживаю в Нью-Йорке.

У меня, разумеется, был заграничный советский паспорт. Но по правилам требовался еще один какой-нибудь документ.

Им послужило... ручательство одного из моих коллег-тассовцев. Он просто приехал вместе со мной в DMV, предъявил собственные права и заверил барышню в окошке, что мои показания правдивы. Этого было достаточно. А место жительства я подтвердил счетом за коммунальные услуги и конвертом, отправленным той же Руфи на мое имя и адрес.

Конечно, для получения прав необходимо было еще и сдать экзамены. С вождением я к тому времени худо-бедно разобрался, а при прохождении теоретической части испытаний мне были неожиданно предложены на выбор варианты на английском и русском языках.

Я выбрал русский и не прогадал. Мало того, что благополучно сдал сам: вскоре после меня на те же испытания поехал еще один наш новичок. Я ему подробно рассказал о своем опыте, включая содержание опросника. Он тоже выбрал русский и убедился, что этот вариант у местной автоинспекции был единственным. Успех, как говорится, был обеспечен...

Пересдача

Задним числом я сам удивлялся, почему мне так трудно было научиться водить, и пришел к довольно неожиданному выводу. Как ни странно, одной из главных помех была подсознательная установка на то, что я со своим неумением всем мешаю и должен везде и всюду уступать. Я так и пытался делать, постоянно создавая тем самым аварийные ситуации.

Зато через десяток лет, переподтверждая права в Вашингтоне, я сразу объяснил женщине-инструктору, что водить умею. Уверенно проехал под ее руководством «круг почета» вокруг местной автоинспекции и... провалил экзамен.

«Вы действительно умеете водить, – сказала она мне, когда мы вернулись на место старта. – Но вы же не соблюдаете никаких правил!»

А я, как мне казалось, их «соблюдал» – только на словах, а не на деле. При виде знака об ограничении скорости не тормозил, а объяснял инструктору, что, мол, дорога пустая и можно ехать чуть быстрее, хотя по правилам скорость полагается сбросить. Точно так же проехал нерегулируемый перекресток – изобразив, но до конца не выполнив положенную полную остановку перед поперечной дорогой. В итоге схлопотал совершенно заслуженный «неуд» и был отправлен на пересдачу.

В каком из этих случаев, нью-йоркском или вашингтонском, ярче проявлялись мои психологические комплексы, судить не берусь. Но комплексы эти – сначала неуместная робость, потом столь же нелепая самоуверенность вплоть до пренебрежения правилами – кажутся мне не только личными, но отчасти и родовыми, наследственными. Живущими в нашем общем российском менталитете с советских, а может, и досоветских времен.

Поэтому я и вспоминаю теперь о жизненных уроках, которые помогли мне разглядеть их в самом себе, осознать. А американские мои друзья, когда я им описывал свою «сдачу экзамена по вождению», смеялись буквально до слез...

1.2. Чем мы занимались

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.